

Виталий Аронзон

Волшебный фонарь

2-е издание

Виталий Аронзон

Волшебный фонарь

2-е издание

БОСТОН • 2019 • BOSTON

Виталий Аронзон. Волшебный фонарь

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Vitaliy Aronzon. The Magic Lantern

2nd Edition, corrected and updated

Печатается по оригинальному авторскому тексту

Copyright © 2001–2019 by Vitaliy Aronzon

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1950319138 (pbk)

M•GRAPHICS PUBLISHING | BOSTON, MA

📄 www.mgraphics-publishing.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Дизайн обложки: Natali Cohen © 2019

Рисунок на обложке Леонида Аронзона

Портрет В. Аронзона (на задней обложке) выполнен А. Лапидусом

Фотографии в тексте — из архива автора

Printed in the U.S.A.

Уважаемый читатель!

Предисловия длинного не будет, так как почти всё, что хотел сказать, я написал в книге.

Начинайте читать с любого произведения, а если понравится, посмотрите и почитайте остальные.

Главное: я должен поблагодарить тех, кто помог мне написать эту книгу — мою жену Мери, которая вначале всегда недовольна текстом, Альберта Лapidуса, моего ближайшего друга, без критики и поощрения которого вообще бы ничего не было написано, а также многих моих друзей, которые читали, критиковали, хвалили, ругали или отмалчивались.

Специальная благодарность моим детям и внучкам, если прочитают книгу, и редакторам газет, журналов и альманахов, в которых печатались отдельные произведения.

Виталий Аронзон

Since ira et studi

(Без гнева и пристрастий)

Tacit

«ПОЧЕМУ Я ТАК ДЕЛАЮ?»

*Нет на свете печальней измены,
чем измена себе самому.*

Н. Заболоцкий

Жизнь наша — это череда случайностей, которые цепляются друг за друга, как звенья всевозможных цепей. Мысль совершенно тривиальная, но не всегда удаётся проследить причинно-следственную связь случайностей. Как правило, искать такую связь нет необходимости в повседневной жизни, но иногда самому себе хочется задать вопрос: «Почему я так делаю?» — и, бывает, находишь ответ...

В середине 60-х годов моя семья проводила отпуск на Рижском взморье, в Юрмале, в посёлке Меллужи. Нам не повезло, погода была пасмурная, лежать на пляже и купаться было неуютно, потому подолгу и помногу гуляли вдоль берега, отмеряя километры.

Таких гуляющих было немного, поэтому те, кого часто встречали, запоминались, начинали с нами здороваться, а бывало и знакомились. Обычно нам навстречу, всегда в противоположном нашему хождению направлении, гулял с девочкой пожилой, интеллигентного вида, приветливый мужчина. А мы гуляли с сыном, который был примерно одного возраста с девочкой. Через несколько таких встреч мы разговорились, дети начали играть, а мы волей-неволей присели на скамейку, обсудили кто из нас кто и откуда, а дальше пошло-поехало, так как меня распирало от вопросов. Собеседник оказался профессором Рижского университета, заведующим кафедрой марксизма-ленинизма. Фамилию собеседника я уже забыл, но помню, что она на букву «Р» и еврейского звучания, и внешность не обманывала.

Первый вопрос, который напрашивался сам собой, но задать который долго не решался, был о том, как и почему его «занесло» на такую позицию в университете. Оказалось, что его профессиональные научные интересы к собственно марксизму-ленинизму никакого отношения не имеют, а предметом его изучения является немецкое влияние на исторические процессы в прибалтийском регионе. Поэтому отношение к марксистской науке у него чисто бюрократическое: занял освободившееся место по конъюнктурным обстоятельствам по конкурсу.

Когда политическое лицо моего собеседника мне стало понятно, то я смелее стал задавать вопросы, в том числе и о пакте Молотова-Риббентропа, учитывая специализацию профессора. Наш разговор происходил в конце 60-х годов.

В это время один за другим стали публиковаться исторические романы Валентина Пикуля, а последним прочитанным мною романом был роман о Распутине, от которого отдавало бульварным душком. Писатель жил в Риге, и я поинтересовался, не знаком ли профессор с ним, и читал ли он роман.

Они оказались знакомы. История их встреч такова.

Профессор романами Пикуля не интересовался, но роман «У последней черты» из любопытства решил прочесть после скандальных оценок его в прессе. Роман не понравился и, по мнению его, как специалиста, к исторической правде отношения не имел. После прочтения романа профессор решил, что читать произведения Пикуля больше не будет. Я же заметил, что мне его романы нравятся, они занимательны, легко читаются и веришь их исторической правдивости. Мнение критиков об исторической недостоверности романов читающая публика как бы и не воспринимает.

Мой собеседник мою реплику проигнорировал и заметил, что его всё же познакомили с Пикулем по просьбе самого писателя на одном мероприятии, где они вместе оказались. Пикуль подробно расспрашивал профессора о событиях, предшествующих войне, на территории Латвии. Вопросы были грамотные, Пикуль сам хорошо был знаком с этими событиями, но ему нужны были уточнения. Короче, писатель произвёл на профессора хорошее впечатление.

Больше встреч не было, но профессор, когда заболел и лечился в республиканской больнице, познакомился с женой писателя, которая также лечилась в этой больнице. Жена Пикуля оказалась интересной собеседницей и одной из обсуждаемых ими тем, естественно, были романы её мужа.

Профессора заинтересовала технология сбора материала для романов. И тут выяснилось, что у Пикуля уникальная библиотека мемуаров, которые писались эмигрантами из России, бежавшими после переворота. Эти книги служили для писателя источником сюжетных находок и историй. Ценность их была в том, что это были рассказы очевидцев, которые создавали слепок реальных событий.

Об этом я вспомнил, когда потерял работу в Америке и искал себе занятие, чтобы избежать депрессии безработного. События прошлого и настоящего постоянно будоражили моё воображение, и я взялся за мемуары, чтобы показать читателем слепок истории, которая пришла на мою жизнь. Так протянулась ниточка от случайной встречи под Ригой к написанию моих воспоминаний.

ПРОБУДИМ ВОСПОМИНАНИЯ

ИЛИ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ (1935–1959)

Папины похороны и его тайны

Последним у гроба говорил Илья. Для меня его выход был неожиданным. Я не сторонник публичного проявления чувств. А тут похороны — не повод для откровений. Все выступления воспринимал с иронией, в искренность не верил, хотя, вероятно, не имею права судить, так как далеко не всё мне известно об отце, о его связях, отношении к нему родных, друзей, сотрудников. А тут выяснилось, что и о прошлом, молодых годах, знаю очень, очень мало.

Речь моего дяди, папиного брата, была короткой, но неожиданно значимой. «Мало кто знает, — говорил с экспрессией Илья, голосом лектора общества «Знания», что вызвало у меня, наверное, неоправданную отрицательную реакцию на выступление близкого родственника, — что Лев Моисеевич был «красным курсантом»,¹ он близко видел наших вождей, встречался с Лениным, и, не сложись так судьба — он заболел тифом — мы, может быть, провозжали бы сегодня в последний путь не инженера». Что мой дядя имел в виду я не удосужился спросить, как, возможно, и другие участники похорон.

Обстановка крематория не располагала к обдумыванию услышанного. Но на выступление дяди обратили внимание, и мне робко задавали вопросы папины сослуживцы. Я только пожимал плечами: «Не знаю». Был 1975 год, до Перестрой-

---

¹ «Красный курсант» — во время Гражданской войны и после неё — учащийся военно-учебного заведения или военных курсов. Аналог дореволюционного юнкера. Курсы стали появляться в 1918–19 гг.; одними из первых были пулемётные курсы, и их учащиеся долго носили имя кремлёвских курсантов. — *Энциклопедический словарь советской повседневной жизни*. Автор Леонид Беловинский. М.: НЛО, 2015.

Папа, мама и бабушка Хьена

ки было далеко, и пиетет к вождю не подвергался сомнению в общественном сознании. Но что я мог сказать? Я действительно не знал об этих страницах отцовской биографии. А много ли я знал о родителях? Интересовало ли меня их прошлое? Позже стал более часто за-

думываться о них, об их жизни. Но спросить уже было некого.

Итак, почему папа никогда не рассказывал о той жизни, которой, по советским меркам, надо было гордиться? Почему об этом не говорила мама? Не знала? Они ещё не были знакомы в то лихое время? Или есть другая серьёзная причина?

Нам, исполнителям советской истории, наверное, несложно разобраться, но я пишу не об истории советской инквизиции, а об истории своей семьи, поэтому о ней и буду рассказывать, а выводы сделают потомки.

Папа родился и вырос в черте оседлости, в Могилёве, крупном, по тем временам, городе, окружённом белорусскими еврейскими местечками.

Дедушка (Моисей Аронович) занимался розничной торговлей рыбой, в том числе селёдкой. Мама и её братья подшучивали за это над папой, называя его «селёдочником». У них было основание свысока относиться к «селёдочнику», так как они принадлежали к «более высокому сословию»: у моего другого дедушки Хаима была оптовая торговля рыбой.

Детей в семье отца было пятеро (по старшинству): Циля, Лёва (мой будущий папа), Иосиф, Илья и Женя. Семья не была богатой, но дети учились: Лёва в реальном училище, а Циля в гимназии.

Микроб революции делал своё дело. Старшие дети вскоре оказались вовлечёнными в авантюру. Циля вышла замуж за молодого большевика (Аншеля Фридмана), твёрдой рукой уста-

навливавшего новый порядок, а папа, думаю, не без влияния родственника, оказался среди красных курсантов, когда в начале 20-х годов вся семья перебралась в Москву.

Как теперь выяснилось, отец после болезни (тиф) перестал быть кремлёвским курсантом, а поступил в Строительный институт в Ленинграде, а потом перевёлся в Бауманское инженерное училище в Москве. Некоторое время отец, инженер-строитель по специальности «Мосты и туннели», работает в Москве.

Где-то, когда-то и как-то в период учёбы он встречается с моей будущей мамой, землячкой по Могилёву, которая жила в Ленинграде. Начинаются долгие, в течение нескольких лет, поездки папы по выходным дням из Москвы в Ленинград.

Мама хранила письма от папы, и из них можно было бы узнать историю их любви, но я считал, что нельзя читать чужие письма, и уничтожил всю пачку писем после смерти мамы. Так этот отрезок жизни родителей остался для меня тайной.

О семье до и после войны (второй мировой)

В 1926 году мама оканчивает Государственный институт медицинских знаний в Ленинграде и выходит замуж за папу. Живут они в квартире у еврея, купца Первой гильдии на 2-й Рождественской ул., позже переименованной во 2-ю Советскую. В досоветское время этот район назывался «Пески». В квартире маму поселили в порядке уплотнения «бывших». Занимала она одну большую комнату с двумя окнами, где прежде был кабинет хозяина. После маминого замужества папа поделил комнату пополам так, чтобы в каждой было по окну, потом фанерными перегородками каждую комнату ещё раз пополам. Получились две светлые комнаты и две тёмные. В этой квартире мои родители прожили большую часть жизни.

С моими родителями вместе жили также два брата мамы — Миша (Моисей) и Исаак, и моя бабушка Анна Михайловна (Хая Микелевна) — мамина мама. Потом появились в этой комнате ещё три жильца: я с братом Лёней и наша няня Клавдия. По сегодняшним меркам трудно представить, как такая большая семья на клочке жилой площади жила удивительно дружно,

сохранив любовь, дружбу и привязанность друг к другу на протяжении всей жизни.

И, конечно, у нас было много соседей. Купца уплотняли постепенно, и к началу войны в квартире жили три семьи. Все евреи. Ни склок, ни скандалов не было. Жили почти как родственники.

После войны ситуация изменилась не к лучшему. В блокаду умерли прежние хозяева квартиры, остались их дети — сын, дочь и внук. Внук появился в квартире после армии в 1948 г. Вскоре арестовали его дядю (Самуила Владимировича Кеслера, главного металлурга завода «Красный Выборжец»), якобы за анекдот, и дядя не вернулся — погиб в Дзезказгане.

К этому времени в квартире уже устойчиво жили шесть семей, некоторые заняли комнаты прислуги умерших хозяев квартиры. Количество жильцов и их состав по естественным и не естественным причинам менялись. Квартира стала интернациональной со всеми вытекающими последствиями от великой дружбы народов.

В нашей семье тоже произошли перемены: с нами не было маминых братьев. Миша отбывал свой срок в ГУЛАГЕ как бывший военнопленный, а Исаак жил в Москве, куда после эвакуации перевели завод, где он работал.

Наша большая комната, разделённая на четыре части (две с окнами и две тёмные), казалась отдельной квартирой без «удобств». Дети и няня спали в проходных тёмных комнатах, бабушка — в проходной общей, а у родителей была спальня-кабинет, где дети делали уроки. Папа при подготовке к обязательным политзанятиям работал в общей комнате.

Родителей дети видели редко. Папа приходил, когда мы или спали, или собирались идти спать, а мама — незадолго до этого. Так работала в послевоенные годы вся страна. По мере нашего взросления ситуация менялась, но и родители уже были меньше нужны для общения. Школа, улица и друзья казались нужнее.

Что же запомнилось? Походы с папой в баню раз в две недели и умные разговоры о вечности, космосе, религии. Чтение с мамой книг и разговоры, которые были самой важной вехой в нашем нравственном и человеческом воспитании.

Мама

Мама Анна Ефимовна (Ханна Хаимовна) занимала в нашей с братом детской, а позже юношеской и взрослой жизни, особое место.

Она родилась в семье с еврейским традиционным укладом жизни. Соблюдался кошер, праздники, дети посещали хедер, но фанатической приверженности к религии не было. О моём дедушке Хаиме Геллере я знаю мало. Он умер от саркомы сравнительно молодым (54 года). До революции был купцом 2-й гильдии. Практически ничего не знаю о его родителях, хотя фотография и паспорт моего прадедушки Неуха, его папы, сохранились.

О бабушкиной семье знаю несколько больше. Её семья жила в Быхове. У них был большой дом, много детей. В советское время в их доме помещалась школа. Из семнадцати родившихся детей, взрослыми стали десять. Было даже шесть коров, а значит было и своё большое хозяйство. Мой прадедушка Микел Рабкин был раввином. Помню, бабушка рассказывала, что он был очень уважаемым в еврейской общине человеком —

Семья Рабкиных: прабабушка и прадедушка и их дети (не все)
Моя бабушка позади родителей в центре

его хоронили в день смерти, как самого почитаемого еврея в городе. Мама рассказывала, что дети его побаивались, а она нет. Прабабушка (Лея) — о ней никто ничего не рассказывал — управляла хозяйством и детьми. Дети получали традиционное еврейское воспитание.

Моя бабушка вышла замуж по еврейской ортодоксальной традиции — её сосватали, и своего мужа до свадьбы она не знала. Первые годы супружества были, по-видимому, трудными. Детей не было в течение пяти лет. Потом один за другим с естественным промежутком родились мама и её братья.

Когда произошла революция, мама оканчивала гимназию и лишь последний год училась в школе. О её гимназических годах мне неизвестно, но она была лучшей ученицей и в гимназии, и в школе.

О жизни в Могилёве в предреволюционные годы бабушка рассказывала. Их дом находился на губернаторской площади, и царь по дороге в ставку проходил мимо их дома. Перед входом в бабушкин дом стоял городской. На условия жизни при царе бабушка не жаловалась, но говорила, что очень боялись погромов.

В возрасте 17 лет мама с подругой Рисей Райк сбежала в Петербург. Потом и вся семья собралась в Петербурге. К моменту окончания мамой Государственного института медицинских знаний (2-й Медицинский или Санитарно-гигиенический институт в более поздние годы) все родственники были вместе. Миша работал землемером (геодезист) и содержал семью, потом поступил в Ленинградский университет и встретил войну аспирантом института Теоретической астрономии Академии наук. Исаак также окончил университет и работал в нём преподавателем, пока в 1932 г. не был арестован по доносу своего товарища за нелестный отзыв о Сталине, которого с иронией назвал «Иосифом Прекрасным». Ни в чём не признавшись, не подписав протоколы допросов, получил три года лагерей — наверное за упорство в непризнании своей вины. После отсидки в Воркуте добился снятия судимости. Такое ещё было возможно. В дальнейшем в своих анкетах он никогда не указывал об этих событиях своей жизни.

Во время одной из чисток буржуазных элементов в ленинградских вузах мама совершила преступление, сумев из своего личного дела выкрасть и уничтожить информацию о купеческом происхождении. Преступление позволило ей стать врачом.

Война

Когда началась война мне было почти 6 лет, и я хорошо помню семейные события первых дней войны. Мы жили на собственной даче (родителям принадлежали две комнаты и две террасы в огромном двухэтажном доме) на станции Всеволожская, в ближнем пригороде Ленинграда.

На какой-то из первых дней войны в небе над Всеволожской появились немецкие самолёты, окружённые разрывами снарядов зенитной артиллерии. Очень хорошо всё помню — картина и сейчас перед глазами. На следующий день бабушка со мной, братом Лёней и нашей няней Клавдией вернулись в город.

Вечером пришла мама и принесла свою новую военную форму. Что-то к ней пришивала. Форма и мама в форме мне очень понравились.

Папа так и не пришёл. Он несколько дней провёл на призывном пункте, но в армию его не взяли, так как у него была броня. Всесоюзный проектный алюминиево-магниевый институт (Гипроалюминий), что на 20-й линии Васильевского острова, где он работал, срочно эвакуировался на Урал: интенсифицировалось строительство алюминиевых и магниевых заводов. Отец участвовал в проектировании, строительстве и освоении мощностей трёх заводов — металлургических гигантов: Уральского алюминиевого (г. Каменск-Уральск), Богословского алюминиевого (г. Краснотурьинск) и Березниковского титаномагниевый комбината (г. Березники), которые обеспечивали промышленность алюминием, титаном и магнием в годы войны; другие заводы этой промышленности оказались в зонах немецкой оккупации. Город Краснотурьинск (его вначале называли Соцгород) возник по соседству с г. Богословск и построен по проекту, автором которого был отец. Уже будучи взрослым, инженером, я бывал на этих заводах и убедился, что отца хорошо помнят заводские работники: мгновенно, реагируя на мою фамилию,

Няня Ульяна и я (1939 г.)

задавали вопрос: «А не сын ли вы Льва Моисеевича?» То же самое могу сказать о руководителях Министерства цветной металлургии, Госплана и Гостроя, с которыми случайно или по делу оказывался в одной компании: на совещаниях, в заводских гостиницах, в поездах и самолётах.

В конце июля папа, бабушка и мы, дети, покинули город. Я, вспоминая, вижу отчётливо платформы Московского вокзала, заполненные ленинградскими семьями, маму, тётку

Гуту (сестра дедушки Хаима, умерла в блокаду) и Клавдию, купе плацкартного вагона, в котором мы разместились, и через окно отходящего поезда маму в военной форме, растерянно махавшую нам рукой. Моих дядей не было. Миша уже был в Кронштадте в школе младших лейтенантов, Исаак — на работе. Почти всю войну Исаак работал на каком-то сильно засекреченном заводе в Чебоксарах. В Ленинград после войны не вернулся, стал жить и работать в Москве. В 1952 году получил Сталинскую премию. Последние годы жизни был доцентом МЭИ им. Баумана (Московский энергетический институт).

Местом нашего нового обитания на Урале был посёлок Лёнва, в окрестности г. Березники, на берегу реки Камы. Между городом и Лёнвой находился Березниковский химический комбинат, из труб которого валил густой желто-оранжевый дым. Это казалось красивым и сказочно-зловещим. Посёлка Лёнва сейчас нет, он под водой, затоплен в связи со строительством гидроэлектростанции.

За время жизни в посёлке мы поменяли несколько домов. Первый был бревенчатым и уютным домом с высоким крыльцом, маленьким двориком и курятником, а за забором позади дома — огород, а впереди — улица. На улице состоялось знакомство с местными сверстниками, которым было любопыт-

но пообщаться с пришельцами из легендарного Ленинграда. Отношения с детьми все годы в Лёнке были хорошими, не помню ни одной драки. Вначале удивляла местная речь, я не понимал некоторые слова и выражения уральского диалекта, потом привык к ним, но к диалекту не приохотился, и всю жизнь морщусь, когда слышу «неправильную» речь.

Потом меня и Лёнку отдали в детский сад, но в разные возрастные группы. Бабушка противилась, но папа настоял. У него не было времени заниматься семьёй, и он хотел разгрузить бабушку — няни уже с нами не было. Нам в детском саду было очень плохо. Мы, получившие домашнее детское воспитание, трудно воспринимали воспитание коллективное, отказывались есть, потому что такого супа, например, у бабушки не ели, а в этом ещё и кусочки зелёного лука плавали, с детьми не играли, а сидели, обнявшись, в коридоре. В конце концов, воспитатели посоветовали нас временно забрать из сада — для адаптации требовалось время.

Будучи в Березниках и забежав на рынок купить продукты, папа случайно встретил свою сестру Цилю, которая до войны жила в Москве с родителями — моими бабушкой и дедушкой, мужем Аншелем, сыном Феликсом и младшей сестрой Женей. Теперь все, кроме Цирино мужа — прокурора, которого мой папа не любил, оказались в Березниках. Они были плохо устроены и бедствовали, Циля на рынке продавала вещи. Папа решил забрать дедушку Моисея Ароновича к себе в Лёнку, чтобы облегчить жизнь Циле. У дедушки не было одной ноги и ему трудно было найти какую-либо работу. Его жена, моя бабушка, Хьенна Ароновна осталась с дочками Цилей и Женей и внуком Феликсом в Березниках. Феликса называли этим именем в честь Дзержинского, так как его папа был чекистом, членом партии с 1916 года.

С приездом дедушки в Лёнку нам с Лёней стало веселее, нас забрали из детского сада, что само по себе было прекрасно, дедушка с нами гулял и, возможно, что-то нам рассказывал. Мы ходили с ним к реке Кама, лазали по развалинам солевого завода-прииска, в старину здесь добывали каменную соль.

Тоска по родителям (мамы не было с нами, а папу мы практически никогда не видели) уменьшилась. Дедушка нам объ-

яснил, откуда появляются цыплята, и я, вдохновлённый его рассказом, решил высидеть цыплёнка у себя в кармане. Носил яйцо долго, но, случайно упав, разбил. Меня не ругали за испачканный карман, но дедушка и бабушка пообещали, что я получу настоящего цыплёнка к лету. Радость общения с дедушкой была недолгой. Он почувствовал себя плохо и его увезли в Березники. Вскоре он умер от рака (1943 г.).

В 1942 года я заболел корью. Болел тяжело, диагноз был поставлен ошибочно другой, и считали, что я не выживу. Дали телеграмму об этом маме. Маме дали отпуск. Прошёл первый год войны, который она проработала в полевых госпиталях действующей армии на Ленинградском и Волховском фронтах. Командование её отпустило на месяц как мать маленьких детей, один из которых, судя по телеграмме, умирал.

До сих пор стоит перед глазами мама, которую увидел в окно. Я кричал, прыгал на кровати (болезнь уже отпустила меня). Возможно, мне говорили, что мама приедет, и я ждал её у окна. Дедушка Моисей тогда ещё был с нами.

Отпуск мамы уже заканчивался, когда её вызвали к военному комиссару в Березники и передали приказ формировать военный эвакогоспиталь в Лёнве и филиал госпиталя в деревне Дедюхино. Невиданное везение для семьи.

Наша детская жизнь изменилась—мама с нами. Времени для нас у неё всё равно не было, но можно было приходиться к ней в госпиталь, общаться с ранеными, персоналом. Естественно, что к нам относились сердечно. У раненых тепло воспоминаний об оставленных семьях переносилось на нас. Маму в госпитале любили, но она была очень строгой и с персоналом, и с ранеными. Слушались её беспрекословно. Однажды она учинила такой разнос персоналу на кухне, что я некоторое время стеснялся приходиться в госпиталь. Виновником был я: меня угощали компотом, когда мама появилась на кухне. Запрет на угощения был наложен жёсткий, а со мной была проведена воспитательная работа, которую я запомнил навсегда. В послевоенные годы запрет на угощения и всяческие подношения остался в силе. Мама, начальник отделения (должность полковника) Окружного военного госпиталя (до мобилиза-

Родители во время войны

ции — майор медицинской службы, после — вольнонаёмная) никогда не принимала подарков и не позволяла персоналу без её ведома оказывать её близким услуги. Исключением были цветы и конфеты, которые с посыльным кто-либо присылал ей домой к праздникам. Интересно, что никто из больных не решился лично доставлять эти подарки. Знали, что не примет.

Однако в Лёнве наши бытовые условия ухудшились. Мы переехали в дом-барак, и жили все в одной комнате. В старом доме мы не могли разместиться, потому что мама взяла к себе Броню, жену своего двоюродного брата с ребёнком, которая беженкой поколесила по многим городам России и остро нуждалась в помощи.

Осенью 1943 года я пошёл в школу, а к зиме мы переехали в другой дом, в котором стали жить до отъезда в Ленинград. В этом доме произошли три события, которые остались в памяти.

Первое — «порка» — демонстрация ремня, если быть точным, с намерением меня выпороть, которому мама воспрепятствовала. Порка, которой я впервые в жизни должен был удостоиться, была вызвана нарушением правила: всегда вовремя быть дома, а я, да ещё и с Лёней, застрял в госпитале, в кино, которое крутили для раненых, и нас не могли найти, пока я не появился восхищённый фильмом. Тогда были передвижные киноустановки, которые ставили посреди госпитальной палаты и показывали кино на простыне-экране, лента часто

рвалась, аппарат жужжал, но это были мелочи по сравнению с «силой искусства».

Второе — когда мы с братом угорели, и только приход мамы нас спас. Очнувшись, я помню было очень холодно, окна раскрыты, и мама говорит бабушке: «Если бы они умерли, то я бы повесилась».

Третье — скандал между папой и мамой, когда он ей сказал, что вступил в партию и подал заявление в военкомат, чтобы уйти на фронт; прошёл медицинскую комиссию и будет направлен в танковую часть. Уход в армию не состоялся — броня. Мама в партию не вступила, всякий раз находя для этого причину, что было не просто.

Летом меня отправили в пионерский лагерь. Здесь я впервые познакомился с еврейским вопросом. Два мальчика, которые со мной никогда не играли, подошли и спросили: «Ты еврей?» Я не знал, кто это такой, и ответил: «Нет». «Вот видишь!» — сказал один мальчик другому, очевидно разрешая спор между ними. В дальнейшем я понял, что соврал.

Однажды во время тихого часа меня разбудила воспитательница и вывела на улицу за пределы лагерной усадьбы. Там меня ждала мама, которая приехала на своей командирской бричке, запряжённой любимым нами вороным конём. Нередко зимой этот конь возил нас с братом на санях на спектакли ленинградского ТЮЗа в Березники. Театр шефствовал над госпиталем.

Мама после объятий и поцелуев сказала, что уезжает в Ленинград, но мы скоро к ней приедем.

В конце августа 1944 г. мама вызвала семью в Ленинград. Папа нас провожал. Ехали в теплушке на нарах. Было и увлекательно и интересно. Самым любимым и страшным было стоять у открытых дверей теплушки. Этим мы бабушку постоянно держали в напряжении. На подъездах к Ленинграду, ехали со стороны Вологды, стали видны последствия войны: разбитая техника, сожжённые леса и строения. Путешествие длилось десять дней. Приехали в Ленинград 9 сентября.

Бабушка в течение всей эвакуации хранила банку с консервированным персиковым компотом, мы знали, что банка едет с нами, но бабушка бережёт её для нас на «чёрный день». С этим мы мириться не могли, и потребовали её открыть. Ба-

бушка сдалась. Открытая банка любимого компота всегда напоминает этот эпизод.

Наш состав остановили на подъезде к городу со стороны Невской заставы, вблизи завода «Большевик». Недалеко от станции было кольцо трамвая 24-го маршрута. К нему мы с бабушкой и направились. Этот маршрут имел остановку у нашего дома на 2-й Советской ул. В трамвае было мало людей, но они внешне резко отличались от привычных для нас в эвакуации: другая опрятная и хорошая одежда, и лица дру-

Братья весной 1945 г. после войны на ярмарке в Ленинграде

гие. Мы с Лёней выглядели сорванцами-оборвышами, за время ползания по теплушке одежда сильно поизносилась, а туфли-ботиночки были подвязаны верёвочкой, чтобы подошва не отпала. Для пассажиров трамвая, наверное, наша группа смотрелась провинциально-несчастно, не по-ленинградски. Бабушку стали расспрашивать, нам приветливо улыбались, сочувствовали, кивали головой. Но чему сочувствовали? Мы благополучно пережили трудное время, а они — ленинградцы — блокаду. Конечно, я этого всего тогда не осознавал, оценка событий произошла позже.

Вошли в квартиру через чёрный вход: парадный был закрыт во время войны и на многие годы после, и попали на кухню. Бабушку встретили новые соседи и бывшая домработница хозяйки квартиры Шура, я её помнил и узнал. Мама не было дома, как оказалось, она нас встречала на Московском вокзале. Мы с братом смущённо жались к бабушке и с любопытством рассматривали кухню коммунальной квартиры.

Мама пришла, когда уже стемнело, и мы ушли в комнату и тут же бросились осматривать довоенные игрушки.

Хотя война не кончилось, можно считать, что наши с Лёней военные годы остались позади.

Школьные годы

Меня с опозданием приняли в школу № 155 Смольнинского района. Эта была одна из лучших школ, в которую возвращавшаяся в город интеллигенция стремилась записать своих детей. Школы быстро переполнялись детьми и требовались связи, чтобы попасть в желаемую школу. Мама преодолела эти препятствия, и я одну неделю был учеником второго класса этой школы. Школа мне не нравилась, она резко отличалась от лёнвинской, в которой обстановка была тёплой, семейной, где я хорошо учился и закончил 1-й класс с Почвальной Грамотой, украшенной портретами Ленина и Сталина (хранится в домашнем архиве). В новой школе я чувствовал себя чужим, многие дети знали друг друга по предыдущему классу, и их знали учителя, а я, так мне казалось, был посторонним. Поэтому, когда объявили, что открывается новая школа № 159 и меня в неё переводят, я это известие принял с облегчением и не сказал родителям. Когда мама узнала о переводе, вернуть меня в старую школу было уже сложно, и она волей-неволей подчинилась. К этому времени у меня появился друг Боря Марков, вернувшийся из эвакуации, которого также перевели в новую школу. Мы жили в одном доме, и расставаться с ним я не хотел. Эта детская дружба перешла в дружбу на всю жизнь.

Боря был старше меня на три дня, а ростом на треть выше. Он был со стороны матери внуком Почётного гражданина Петербурга, купца 1-й гильдии, Л. Щукина, могилу которого я видел в Александро-Невской Лавре. В царское время их семья занимала две лучших квартиры в доме. Когда мы познакомились, они жили в огромной комнате с одним выходящим во двор окном и малюсенькой комнатой, которую можно назвать гардеробной. Боря родился в Саратове, куда сослали его будущую мама, беременную Людмилу Леонидовну после убийства Кирова как дочку купца. Борины родители, когда мы познакомились, работали в Балтийском пароходстве, были членами партии, к советской власти внешне относились терпимо, но в душу к ним мне, мальчику, было заглянуть трудно. Людмила Леонидовна участвовала как лучший радист пароходства в рейде на пароходе «Балтика», на котором Никита Хрущёв плывал в Америку. Отец Бори, Алексей Викторович, в войну служил во фло-

те, но по каким-то причинам всё время находился в Сингапуре. Он участвовал в первом послевоенном торговом рейсе в Колумбию, откуда в СССР привезли никогда раньше невидимые мною бананы. Тогда же в их доме я впервые попробовал молочный шоколад. Алексей Викторович ушёл на пенсию с должности начальника радиослужбы пароходства.

Боря, школьником, студентом и взрослым, также как его родители, внешне был терпим к власти, вступил в партию, но откровенно и цинично использовал её в своих личных интересах. Вот несколько любопытных эпизодов. В 1952 г., когда началось «Дело врачей», Боря был комсомольским секретарём школы. Я не видел, как он вёл себя в школе в первые дни этих событий, так как был болен, но однажды, зайдя ко мне после школы, он бросил газету на мою кровать и сказал: «Смотри! Провокатора наградили!» Имелась в виду Лидия Тимашук. Будучи доцентом института Авиаприборостроения и секретарём партийной организации, наедине со мной Боря цинично насмехался над своими коллегами по партии, рассказывая, как каждый пришедший на собрание, получал от партийной организации бутылку лимонада по его инициативе. Несмотря на такое поведение друга, я всё же не обсуждал с ним ни политических, ни еврейских проблем. Он же никогда не знакомил меня со своими коллегами по работе. Подозреваю, что его служебная компания была антисемитская, и Боря либо не хотел демонстрировать дружбу с евреем, либо огораживал меня от возможных щекотливых ситуаций, либо и то, и другое. Тогда он работал в оборонной промышленности в НИИ-49 на Суворовском проспекте. Другой мой друг, Лёва Сонин, еврей, также работал в этом институте и рассказывал о зоологических антисемитах в руководстве лабораторий и НИИ. Однако же все Борины близкие друзья были евреи.

Трудно назвать место, где мне пришлось учиться в 1944–45 году, школой. Это было место сбора шпаны. В классе были дети от 9 до 13 лет, многие пережили блокаду или оккупацию и не учились. Над молоденькой беременной учительницей издевались, и ни о каких занятиях не могло быть и речи. Драки, сквернословие, курение и слово «жид» были ординарными явлениями. Помню драку на пустыре, к которой готовился весь

класс между мной и обидчиком, обозвавшим меня «жидом». Дрались до крови, и оба ушли с разбитыми носами, но мне больше досталось к радости большинства.

Самым важным событием в этот год — было окончание войны. Ночью, около 2-х часов, в дверь нашей комнаты постучал мальчик-сосед по квартире и сказал, что по радио передают, что война кончилась. У них по блокадной привычке радио не выключали. Днём мы, дети, бегали по крыше дома — ловили листовки. Праздник.

Свободное время проводили во дворе. Какие-то переростки верховодили, учили играть в карты, в маялку (тряпичный мячик надо беспрерывно подбрасывать одной ногой), курить, заставляли приносить еду, деньги. Их власти нельзя было противиться — иначе становился дворовым изгоем. Слово «жид» с их уст не сходило, но беззлобно, и от дворовой компании не отлучали. Боря, его младший брат Витя (младше на год), Лёня и я держались всегда вместе и по возможности играли отдельно от других ребят во дворе. Нас даже как будто уважали, что мы не сквернословили и не курили.

Обстановка в школе изменилась, когда я пошёл в третий класс, помещения привели в порядок, набрали опытных учителей, возвращавшихся из госпиталей и эвакуации.

Кроме Бори Маркова у меня появились ещё два близких товарища Юра Колосов и Алик Киров, а позже Юра Коновалов.

Лучшим учеником в 5-м классе был Юра Колосов, невысокого роста, блондин, ходивший характерной походкой как бы покачиваясь из стороны в сторону. Благодаря этой походке я его издали узнал в аэропорту Шереметьево-2, когда возвращался из командировки домой в Америку в 1994 году. Оказалось тогда, что мы летим одним самолётом до Франкфурта. Он летел на сессию ООН на Канарах.

Юру и меня преподаватель истории направил в детский исторический кружок в Эрмитаж, занятия в котором и сегодня с благодарностью памятливы. Кажется, не было уголка музея, который мы не обследовали за школьные годы. Занятия были серьёзные, мы слушали лекции, участвовали в коллоквиумах, на которых делали доклады. Помню свой первый доклад о Шампольоне и его открытии египетской письменности.

Запомнился эпизод, который мы с Юрой вспоминали не раз, десятилетия спустя. Изучая греческие мифы, мы естественно задумывались о действительном происхождении мира. Однажды решили проверить: есть ли Бог, поставив Бога, как нам казалось, в трудные условия. До этого мы пропустили одно занятие, и не были готовы к коллоквиуму. По дороге в Эрмитаж мы придумали, что если Бог есть, то нас спросят только о статуе Зевса, потому что о других статуях, обсуждение которых предполагалось, мы, из-за пропуска занятия, ничего не знали. Поверить в то, что нас обоих спросят о Зевсе, мы не могли, а значит — Бога нет. С таким выводом мы и явились на коллоквиум, готовые к позору. Но Бог или преподаватель оказались умнее нас. Сначала преподаватель попросил меня рассказать о Зевсе (мы переглянулись), а потом прервал меня и попросил Юру продолжить. Умный педагог не захотел нас ставить у позорного столба. Однако верующими мы не стали.

Ещё один любопытный эпизод, связанный с Юрой. В городе на углу Фонтанки и Графского переулка открылась первая школа (№ 253) с преподаванием на английском языке. В неё набирали лучших учеников из городских школ. Мы с Юрой одинаково хорошо учились, но в новую школу приняли только его, хотя поступить в неё предложили нам обоим. Мы ещё не играли во взрослые антисемитские игры, и мотивы их нам не были понятны. Поэтому мы оба пошли к завучу английской школы настаивать на моём приёме, и аргумент у нас был — мы друзья. Друзьями мы действительно остались, но учиться пришлось в разных школах. Мы оба с серебряными медалями закончили школы. Последующие годы сделали наши встречи редкими. Но тут я забегаю вперёд.

В 6-м и 7-м классе я много болел и практически эти классы осилил самостоятельно. Но с английским языком возникла проблема, так как дома родители помочь не могли. Маме порекомендовали учительницу английского языка Беллу Михайловну Бытенскую, которая и подогнала мои знания до требуемого уровня.

Когда я оказался в 167 школе-десятилетке, Белла Михайловна стала уже не приватным, а по должности, моим учителем. С ней сохранились тёплые отношения до самой её смерти в Ка-

наде. Сын Беллы Михайловны — Вадик Бытенский со школьных лет друг моего брата.

В 167 школе мне повезло с учителями. Все были интеллигентными высокообразованными педагогами и прекрасными людьми. Наибольшее влияние на меня оказал учитель литературы Имма Григорьевич Блюмкин. Благодаря ему литература была главным увлечением в старших классах, затмив интерес к истории и химии, которые также были любимы. С ним я также дружил до самой его смерти. Имма Григорьевич подарил мне критерий для оценки красоты: красота это то, что вызывает восторг. Красивое — для всех красиво. Нет восторга — нет красоты. Этим критерием пользуюсь и для оценки произведений искусства, и в быту.

Поступление в институт и годы учёбы

Школу я закончил в 1953 году. После сдачи экзаменов на Аттестат зрелости я с Лёней и бабушкой жил на нашей даче на Всеволожской и ждал решения Горono: дадут или не дадут мне серебряную медаль. Медаль давала право поступить в любое высшее учебное заведение без экзаменов. Решения, куда поступить, у меня не было. Любил литературу, но понимал, что филологический факультет университета мне не доступен. Поэтому больше всего хотел в медицинский институт. Сказывалось влияние и авторитет мамы, и моё частое пребывания в больницах. Медицинский вуз был тогда не престижным: у врачей низкая зарплата (папа говорил: захочешь иметь семью, а как будешь жить на 600 рублей?) и после окончания института молодого врача ждала периферия, «тьма тараканья». Таковы были доводы родителей, поэтому обсуждалось также поступление в университет на исторический или химический факультеты. Однако и тут меня убедили в нереализуемости замысла: еврея в университет не возьмут, документы примут, а после собеседования найдут предлог отказать. В технический институт я идти не хотел. Благоволившие ко мне и уважаемые мною учителя поддержали родителей и рекомендовали идти учиться в технический вуз.

Боря Марков твёрдо определился: Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина) (ЛЭТИ). Мы

с ним съездили на День открытых дверей, и я решил, раз уж мне придётся выбрать технический вуз: буду хотя бы учиться с другом.

В Мельничном Ручье (смежная со Всеволожской станция) жил на даче директор нашей школы Морозов Марк Иванович. Об этом мы с Борей узнали, встретив его случайно около речки, когда катались на велосипедах. Он нас пригласил к себе на дачу и, открыв бутылку Советского шампанского, объявил, что мы получили Серебряные медали.

Через несколько дней мы оба подали документы в ЛЭТИ на специальность Автоматика и телемеханика... На собеседование первым вызвали Маркова, и он через минуту вышел, сказав, что приняли. Меня вызвали следующим, долго расспрашивали, почему я выбрал этот институт и специальность, и в результате сказали, что могут меня принять на электротехнический факультет по специальности—Электрификация промышленных предприятий. Предложение было неожиданным, мы такой вариант не рассматривали, и замысел учиться вместе с другом проваливался. Я пытался спорить, но выбора, по сути дела, у меня не было, и я согласился.

Замечу, что мне сказали правду, что разница между этими двумя специальностями минимальная, но оказалось, что выпускники первой шли в «оборонку», а второй — в гражданскую промышленность. А потому и стипендия на второй была вдвое меньше и её не давали с тройками.

Расстроенные мы пошли сдавать нормы по физкультуре: требовалось прыгнуть в воду с трёхметровой вышки и проплыть 100 метров — институт по военной специальности относился к морскому флоту. Прыгнули, проплыли, но для меня этот тест оказался не нужным: медицинская комиссия меня не пропускала для учёбы в ЛЭТИ, как имеющего заболевание, препятствующее учёбе в этом вузе. Меня это даже обрадовало — пойдду, как хотел, в медицинский.

Но тут вмешалась мама и решила медицинские проблемы с поступлением. Я получил даже некоторое преимущество перед сверстниками — мне не надо было посещать занятия на военной кафедре как ограниченно годному к военной службе. Болезнь — язва 12-перстной кишки — периодически беспокоил

Друзья: Боря Марков, Талик Аронзон, Толя Гольдберг,
Серёжа Мандельштам, Лёва Сонин

ла, но существенно на качество юношеской жизни не влияла (полностью избавился от этой болячки только в эмиграции).

Долго не понимал, чем руководствовались кадровики, но в нашей студенческой группе половина студентов была евреями и почти все студенты — медалистами. В другой параллельной группе ситуация была противоположной: евреев мало, а медалистов один-два. Учились, естественно, обе группы по-разному. В одной все сдавали экзамены подчас без троек, а во второй с переэкзаменовками. Скорее всего, при формировании групп сказалась обычная чиновничья лень и безразличие: записывали в группы в порядке зачисления, а первыми зачисляли медалистов, не сдающих экзамены. Окончили институт в моей группе 22 студента из 25, двоих всё же отчислили за неуспеваемость. С нами также учился один год будущий ректор ЛЭТИ, д. т. н., профессор Юрий Михайлович Таиров.

Первую сессию я сдал с одной тройкой по начертательной геометрии, пропустив почти все практические и лекционные занятия — предмет казался лёгким, но подвёл. Расстроился и из-за отметки, и от потери стипендии. Зам. декана на мою

просьбу пересдать цинично заметил: «Зачем? Уверен, что эта тройка не будет последней». Правота его подтвердилась, но ещё две тройки на сессиях я получил, смею утверждать, незаслуженно. Поясню, так как получение этих троек характеризует состояние общества. Первую поставил ассистент-антисемит, который открыто подчёркивал неприязнь к евреям-студентам, а второй — пожилой профессор-еврей был особенно строг к евреям-студентам. С таким отношением евреев к евреям столкнулась моя жена, но об этом в другом месте.

Вторую сессию я сдал только с одной четвёркой (остальные пятёрки) и на радостях примирился с учёбой в техническом вузе. Студенческая жизнь захлёстывала знакомствами, девушками, весёлыми компаниями, философскими разговорами и трудовыми буднями студенческой жизни.

В нашей мальчишеской компании было шесть человек Боря Марков, Лёва Сонин, Серёжа Мандельштам, Толя Гольдберг, Игорь Львович и я. Все, кроме меня, учились с Марковым в одной группе. Парадокс — как евреи попали на эту специальность? Не могу найти иного объяснения, что, вкуче с медалями этих ребят, сыграл роль протекционизм — они были дети влиятельной профессуры, людей со связями и деньгами. Верховодил в нашей компании Марков. Судьба у всех сложилась по-разному.

Ушёл из жизни, покончив с собой, Игорь Львович. Серёжа Мандельштам первый из нас защитил кандидатскую диссертацию, а затем докторскую, стал профессором, рано умер. Лёва Сонин, с которым был близок все постстуденческие годы, защитился вторым, умер от рака в 50-летнем возрасте, с его женой и дочкой моя семья по-прежнему близка, обе в Америке. Толя Гольдберг также где-то в Америке. О Маркове я написал выше.

Кроме этих ребят я сблизился с несколькими юношами и девушками в группе. Сохранил с ними дружбу до настоящего времени. Многие оказались в эмиграции.

В 1959 году через год после окончания института я женился. Началась отдельная от родительской семьи жизнь.

МОЯ ИНЖЕНЕРИЯ

ВЫБОР ПРОФЕССИИ

В зале потихоньку собирались приглашённые и рассаживались вдоль удивительно длинного полированного стола. Награждение происходило в зале Мариинского дворца, в котором в советское время размещался городской совет Ленинграда. Обстановка не выглядела торжественной. Все походило на рабочие приёмы иностранных делегаций, которые нередко показывали в телевизионных новостях.

Я не был искущён в общении с советским и партийным руководством, в исполкоме был впервые, но кроме любопытства никаких торжественных чувств не испытывал. Со мной не было никого из моих друзей, сослуживцев и близких, все поздравления с наградой остались где-то далеко во времени, когда несколько месяцев тому назад в ленинградских газетах было опубликовано сообщение о присуждении мне звания Заслуженного изобретателя России, тогда РСФСР. Происходил чиновничий акт, но он не вписывался в привычную лицемерную торжественность подобных событий. Это удивило и обрадовало: никто не выступал, не говорил о том, что оправдывает доверие и благодарен за награду. Можно и мне не выступать. Наступала Перестройка — та перестройка, которая сделала возможным и само награждение.

После приёма во Дворце я попытался восстановить в памяти начало моей «инженерии».

Я никогда не хотел быть инженером. Я хотел быть врачом, именно врачом, например, таким, как Вересаев в своих «Записках врача», таким, как моя мама или её друзья врачи. Мне нравилось бывать у мамы на работе — сначала в эвакуогоспитале во время войны, а потом в Окружном военном госпитале в Ленинграде. Я прислушивался к медицинским беседам,

наблюдал, как мама ставит диагноз, и не мог не гордиться отзывами больных и друзей о её мастерстве и дружелюбии. Мои друзья, учителя в школе знали о моём увлечении, но не приветствовали его — работа врача не была престижной, низко оплачивалась, а после окончания института наиболее вероятной казалась работа где-нибудь на периферии, в деревне. Это не отпугивало (слишком мало ещё знал о жизни), мои намерения определились ещё в 7-м классе. Альтернативы таким устремлениям не было. В университет евреев не принимали, педагогика не привлекала, оставалась только инженерия в разных проявлениях или выбранная мною медицина.

Однако события 1952 года, «Дело врачей», очевидным образом изменили ситуацию. Некоторые друзья родителей вынуждены были оставить ленинградские клиники, кафедры, согласившись на предложения уехать на периферию, в надежде избежать ареста. Другие держали дома приготовленный на случай ареста чемоданчик. Атмосфера в медицинских семьях была угнетающей. Об учёбе в медицинском вузе нечего было и думать.

В марте 1953 года умер Сталин. Позже, весной, реабилитировали, без излишнего шума, врачей. Но решение о моём образовании принято: любой вуз, но не медицинский. Это — мнение родителей, учителей, друзей... И я стал инженером.

Возможно, мне пришлось бы всю жизнь сожалеть об этом вынужденном выборе профессии, если бы не нашлось дело, которое стало увлечением.

ЗАВОДСКИЕ ИСТОРИИ

Будни молодого специалиста

По просьбе директора завода, на котором предстояло работать после окончания института, я вышел на работу до получения инженерного диплома, сразу после защиты дипломного проекта (защиты длились 1,5 месяца, а я защитился одним из первых). Поэтому моя первая должность — электрослесарь 5-го разряда. Многие годы эта рабочая профессия «облагораживала» мой послужной список.

СОДЕРЖАНИЕ

«ПОЧЕМУ Я ТАК ДЕЛАЮ?»	9
---------------------------------	---

ПРОБУДИМ ВОСПОМИНАНИЯ

Папины похороны и его тайны.	13
О семье до и после войны	15
Мама	17
Война.	19
Школьные годы	26
Поступление в институт и годы учёбы	30

МОЯ ИНЖЕНЕРИЯ

Выбор профессии	35
Заводские истории	
<i>Будни молодого специалиста.</i>	36
<i>Директор.</i>	40
<i>Зориков</i>	42
<i>Шилов и Тыщук</i>	43
Путь в науку	
<i>Обмен</i>	46
<i>Нелепые истории и их виновник</i>	49
<i>Кориолисово ускорение.</i>	55
<i>Патентное право</i>	57
<i>Город-завод. Пикалёво</i>	58
<i>Город-завод (продолжение).</i>	
<i>Ачинск — Сибирский гигант</i>	64
Афины — древние и современнные	
<i>Не может быть!</i>	71
<i>Афины! Греция!</i>	73
<i>Презентация, конфуз, конфликт</i>	75
<i>Афинские приключения</i>	76
<i>Трудовые будни</i>	81
<i>Прощай Греция!</i>	82
Галопом по Европе и Америке	84

ИЗ КОПИЛКИ ВОСПОМИНАНИЙ

Хроника одной жизни	95
Звонок из прошлого	113
<i>От автора</i>	117
<i>Михаил Козлов. «Житейский лабиринт»</i>	118
Большие надежды	122
Радость студенчества	139
Конфетные фантики, граммофонные пластинки, книги и живопись	151
Ветер третьей волны	159
Встреча с Виталием Полицеймако	166
Из Америки в ГУЛАГ	171
Blow up	175
«Африка, Африка!» и «цветок Востока»	182

ЭМИГРАНТСКИЕ РАССКАЗЫ

Американец Эдди	
<i>Костюм, или первый заработок моей жены в Америке</i>	195
<i>Химчистка, или мой первый чек в Америке</i>	198
«Слушается дело...»	204
Старики в Америке	
<i>Выгодная сделка</i>	228
<i>Три письма, или один день из жизни пенсионера</i>	231
<i>Открытая дверь</i>	234
<i>Лотерея</i>	237
<i>Old Bones — Старые кости</i>	240
<i>Самаркандский зигзаг</i>	242

КОРОТКИЕ ПРАВДИВЫЕ РАССКАЗЫ

Начальник	245
Опустевший муравейник	247
Липовая аллея	252
«За милых женщин, чёрт возьми...»	258
Девственная Нея	260
Интимные аксессуары	262
Выстрел мимо цели	263

Сантехническая хирургия	265
Плата за скромность	267
Бой рядом с унитазом	268
Мопассан, Рокфеллер и КГБ.	270
Красный пропуск	272
Значок «НТО-Известия»	275
«Человек рассеянный»	276
Потерянное доверие	278
Незабытое из детства.	279
Как возник сюжет романа А. И. Солженицына в «Круге первом».	280
Sex и зубы	282
Запах Родины.	284
Кто делал зубы Сталину, или о находке любопытной фотографии	288

ПУБЛИЦИСТИКА

Он писал под диктовку Бога	293
Далеко и близко	304
42 года без Леонида Аронзона. Краткий обзор событий	323
Илья Кукуй. Интервью с Виталием Аронзоном (COLTA.RU 27 мая, 2014)	331
Михаил Спивак. Интервью с Виталием Аронзоном («Новый Свет» №3, 2019, Канада)	341
Леонид Аронзон в сам- и тамиздате.	350
Набросок выступления Виталия Аронзона на Литературном вечере в Филадельфии 10 апреля 2011 года	355
Уличная культура и кафе Сайгон.	359
О двух романах Ромена Гари	364
Иван Фадеев. Такая жизнь, такая судьба.	366

Виталий Аронзон

Литератор, автор книг «Волшебный фонарь» (проза), «Запах черёмухи» (стихи), «Всюду брызги, как в фонтане» (стихи и загадки для детей), а также рассказов, публицистических статей и стихов, опубликованных в журналах, альманахах, периодике в России, Америке, Германии, Канаде и Израиле. Лауреат премии им. Э. Хемингуэя журнала «Новый свет» (Канада) за стихи для детей.

По основной профессии – инженер, канд. техн. наук, лауреат Премии Совмина СССР, Заслуженный изобретатель РСФСР.

...С большим удовольствием прочитал «Мою иженерию» Виталия Аронсона, написанную инженером-профессионалом, заслуженным изобретателем России, человеком сугубо техническим, но обладающим природным литературным даром... Особенно интересны описания характеров и поступков работавших с автором коллег и начальников разного уровня, правдивые и откровенные описания отношений автора с этими людьми. Что было – то было. Это были советские времена, и их описание – это дополнительный вклад в описание истории страны...

Юрий Степанов

...Книга написана темпераментно и вместе с тем сдержанно и достаточно строго. Доверительный стиль изложения удачно сочетается с глубоким анализом описываемых событий. Убедительно показано, как через обстоятельства автор познаёт не только других, но и самого себя. Читая эту книгу, мы видим, как ум, изобретательность, терпение, старание и упорство формируют слагаемые успеха инженера и учёного...

Альберт Липидус

...Очень живые и остроумные рассказы, вызывающие воспоминания о том времени в СССР, о котором многие из нас почти забыли. Но вот, читаешь Аронсона и всплывает в память та, «первая» жизнь, в которой сейчас, из прекрасного далека, находишь много хорошего и трогательного...

Евгения Веллер

...Прелесть чтения мемуаров в том, что пробуждаются собственные воспоминания о давно прошедших временах и событиях. Спасибо за такой мозговой допинг!..

Борис Персиц

M-GRAPHICS PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

ISBN 978-1-950319-13-8

9 781950 319138